

Моим товарищам по несчастью, воспитанникам детских домов посвящается.

«Описывай, не мудрствуя лукаво, все то, чему свидетель в жизни будешь».

А. С. Пушкин

Глава 1

Родился, но не пригодился

Русская пословица

Я все думал, с какого эпизода из моего невообразимо ужасного и вместе с тем — бесконечно прекрасного детства начать эту книгу? Что ни говори, а первые слова в таком деле очень важны — как бы не ушибить ненароком замысел-то... Ведь столько всего было потрясающего в ту замечательную пору моей, еще только стартовавшей, жизни! А потом решил, что не буду ничего придумывать, а начну, как и полагается начинающему писателю, с самого начала.

Итак, я родился 16 июля 1973 года в Москве сильно недоношенным, да к тому же еще и очень болезненным ребенком, и моя мама не придумала ничего лучше, как отказаться от меня прямо в роддоме, что называется — «не отходя от кассы». Таким образом, еще не успев родиться, я стал «отказником», то бишь, сиротой при живых родителях (отец скрылся из виду задолго до моего рождения). Ощущение, доложу я вам, не из приятных. Но что уж тут поделаешь? Надо было как-то цепляться изо всех своих крошечных сил за жизнь и карабкаться дальше!

Говорят, что дети где-то там наверху выбирают себе родителей, но тогда меня следует признать просто отчаянным и очень смелым ребенком — ведь я выбрал себе отца, который не захотел даже увидеть своего сына, и мать, бросившую меня, как ненужную вещь, в первые несколько часов моего земного существования! Хорошего в этом все-таки мало, согласитесь?

Сразу после моего стремительного появления на свет — видимо, я так хотел жить, что выскочил прежде времени — меня отправили в специальный инкубатор, где выхаживают маленьких рахитиков, которые имели наглость вылупиться раньше положенного им срока. Сегодня я с ужасом представляю себе, как выглядел тогда: огромная, несоразмерная телу голова, тоненькие ножки, да еще и рост с весом значительно ниже нормы! В общем, тот еще «торопыжка». Уж и не знаю, кого конкретно благодарить за то, что мне посчастливилось выжить и стать хоть немного похожим на человека.

6 В принципе, я мог и не родиться, а вы могли бы и не открыть эту книгу — во всяком случае, мать моя, судя по всему, не очень-то этого хотела. Но меня и сегодня продолжает мучить вопрос: а каково, собственно, ребенку, еще сидящему в животе, чувствовать, что ему будут не рады в этом мире? Что обожаемая им мама (страшно даже представить себе такое!) его попросту не любит... И какое жуткое потрясение должен испытать только что родившийся малыш, от которого вдруг отказываются, как от излишней обузы?!..

Ведь это только взрослым кажется, что маленький кроха ничего не понимает и не помнит. На самом же деле, он просто не может выразить словами свой дикий ужас от происходящего, но та травма, которую наносят ему самые близкие, казалось бы, люди, калечит его на всю оставшуюся жизнь! Будучи совсем еще крохотным, он не может сказать им: «Любимые мои, хорошие! Что же вы делаете?!», а только постоянно кричит от страха, словно предчувствуя, на какие мучительные страдания обрекают его собственные родители.

Конечно, для ребенка предательство мамы и папы — это самая страшная потеря в его жизни, можно сказать катастрофа вселенского масштаба, поскольку именно в них и заключается для него весь мир! Вряд ли он когда-нибудь сможет от этой трагедии оправиться. Кроме того, не забывайте, что все события, имевшие место в жизни человека, от самого рождения и до смерти, записываются в его персональную «Книгу судьбы», откуда вы их уже никаким топором не вырубите! И если ребенку суждено было лишиться родителей, то сиротское детство навсегда останется скорбным и печальным фактом его биографии, который он уже никогда не сумеет ни забыть, ни простить...

Молодцы, конечно, мои родственнички, хорошо придумали, ничего не скажешь! Бросить меня в самый тяжелый момент еще только начавшейся жизни, когда я был на волосок от смерти, и мне так нужна была их любовь и поддержка! Странное дело — деньгами взрослые где попало не разбрасываются, а детьми — пожалуйста... Мы еще не успели, как говорится, на свет народиться, а нас уже окунули маленькими сморщенными мордашками в дерьмо беспросветного существования!

С другой стороны, а не слишком ли я строг к своим родителям? Ведь мне, по большому счету, дико повезло! Я, можно

сказать, под счастливой звездой родился! Меня не вы- бросили на помойку, не оставили умирать на холодной улице или в обшарпанном подъезде; меня не били, не убили, в конце концов, как это бывает порой с менее удачливыми малышами, а довольно цивилизованно, вполне в духе нашего просвещенного века, оставили в роддоме на попечение государства. По известному принципу — на, тебе, боже, что нам негоже! Радоваться надо тому, что так все благополучно получилось, а не нагружать дополнительным чувством вины своих, и без того переживающих, наверное, родичей...

Но давайте пойдём уже дальше, в направлении Дома ребенка, куда меня определили после инкубатора для выхаживания недоношенных спиногрызов. Что видит обычный малыш в первые годы своей жизни? Улыбающиеся лица мамы и папы, радуется! У меня же перед глазами были только железные прутья кровати, да голые казенные стены. Как там в песне поется: «Вы знали ласки матерей родных, а я не знал, и лишь во сне, в моих мечтаньях детских золотых мать иногда являлась мне». В то время, как вам, дорогие мои читатели, родители пели колыбельные песни, шептали ласковые слова и дарили свою нежную любовь, я месяцами лежал один-одинешенек и затравленно смотрел в облезлый потолок. А может быть и рыдал от горя. Ведь это на самом деле страшно — уже в самом начале жизни понять, что ты на хрен никому не нужен!

Представляю, как я лежу на своей маленькой железной койке и угрюмо молчу (я же не могу орать 24 часа в сутки, да меня и прибили бы сразу за такое явное неуважение к медперсоналу!). Вокруг совершенно замкнутое пространство, без каких-либо шансов выползти оттуда, с постоянно орущими подкидышами по соседству, которые крепко уцепившись крохотными ручонками за прутья своих кроваток, пытаются перегрызть их еще не сформировавшимися зубками.

Могу себе вообразить, как «радуется жизни» несчастный отказник, который изо дня в день видит перед глазами один и тот же мрачный и одуряющий до рвоты пейзаж! Я, естественно, не помню своих тогдашних мыслей на сей счет, но смею предположить, что они были близки к матерным. Попробуйте-ка получить удовольствие от пребывания в палате для брошенных или забытых в роддоме детей, когда до вас абсолютно никому нет дела!

8 Кстати, медсестры, работающие с отказниками, утверждают, что те фактически не плачут, поскольку знают, что никто не придет на их зов («ведь их так много — а я одна»). Они и не смеются — да и не до смеха, знаете ли, в таких экстремальных условиях! Все, что им остается — это замкнуться в себе и попытаться справиться со своим горем в одиночку. Но как совсем еще маленькому человечку вынести всю ту чудовищную тяжесть, которая на него давит?!

Ведь никто не возьмет несчастного малыша на руки, не станет укачивать его, когда он, задыхаясь от собственных страхов, не может заснуть. Все дело в том, что отказников запрещено брать на руки — хоть ты лопни от крика! И запрет этот введен для того, чтобы не происходило ненужного привыкания ребенка к медсестре. Потому что если приласкать хотя бы одного маленького террориста, то тут же все остальные бандиты потребуют свою долю любви и участия! А это уже выходит за круг непосредственных обязанностей персонала.

Но ведь такая связь со взрослым критически важна для малышки! Ему жизненно необходимо все время чувствовать, что его любят, о нем заботятся. А когда кроха, не по своей, кстати, вине, лишен этого чувства защищенности, тепла и покоя, он испытывает что-то навроде смертельного ужаса, как если бы его, абсолютно беспомощного и неприспособленного к подобным испытаниям, окунули в ледяную полынью! Он, возможно, и выживет. Но поразивший малыша в детстве душевный холод будет сковывать его потом всю жизнь...

Впрочем, не будем о грустном. Я, например, почему-то уверен, что наибольшие мучения в Доме ребенка мне приносило банальное и всем известное пеленание — представляю, как дико колбасило меня от этой изощреннейшей пытки, применяемой обычно к младенцам! Мне почти наверняка, как и сегодня, кстати, хотелось улюлюкать, дергать ножками, петь и кричать — ведь это же такое счастье — родиться на Земле! А меня опутывали по рукам и ногам, может быть, даже засовывали кляп в рот, чтобы не орал.

И вот я лежу, слегка опечаленный такой наглостью взрослых, ползунок, и неуспевающая менять пеленки у «проклятых засранцев» нянечка от всей души мутузит меня ссаными тряпками, чтобы я впредь не нагружал ее лишней работой. А может она, на-

против, жалела всех нас, украдкой смахивая слезу во время кормления из бутылочки? Кто знает, что нам довелось пережить и с кем встретиться в первые годы нашей жизни? Это могли быть как очень добрые, так и не до конца еще определившиеся с нравственными предпочтениями люди...

А вообще все это чрезвычайно скверно, конечно! Никто не вспомнит моего первого, осознанно произнесенного слова. Каким оно было? «Няня»? «Медьсися»? «Дем ебенка»? Может, я и говорить-то научился только спустя несколько лет после рождения, что среди детдомовских случается сплошь и рядом. Некому ведь было тогда заниматься с нами, обучать и развивать маленьких отказников.

Никого не обрадовал и мой первый, нетвердый шаг навстречу своему будущему. Да и когда он случился, этот шаг, при таком «заботливом уходе»? Сдается мне, что и ходить нас толком не учили. По крайней мере, до тех пор, пока не перевели из Дома ребенка в Детский дом. Скорее всего, мы так все эти первые два года своей жизни и пролежали в железных кроватках, что-то обиженно лепеча о превратностях судьбы-злодейки.

Не исключаю, кстати, что я и на улице не был ни разу лет до двух. Нет, и в самом деле, разве стала бы дежурная медсестра выносить всю нашу бестолково вопящую ораву на воздух? Делать ей больше нечего! Да и какой медсестре это было под силу? Попробуйте-ка вытащить всех отказников, а это 10-20 или сколько нас там лежало в отдельно взятом Доме ребенка, ползунков? Целый день ей пришлось бы заниматься только этим. Наверное, она просто клала свертки и кулечки с нами на подоконник, открывала окно, и мы таким образом «гуляли». А может быть, даже и этого не было...

Ну, что еще сказать? Домашние дети в определенном возрасте, обычно это происходит в 3-5 лет, начинают мучить родителей всякими дурацкими расспросами по поводу своего появления на свет. Дескать, «Мама-папа, а ну-ка признавайтесь, как я у вас нарисовался?». Ну и те, разумеется, поначалу смущенно скармливают малышу уже привычные всем небылицы, типа: «Тебя, душенька, нам аист принес!» или «Мы тебя, лапушка, в капусте нашли!». А потом, конечно, признаются, что появился малыш из маминого живота. Но как ты объяснишь все это отказнику, который и матери-то своей никогда не знал?

10 Возможно, я тоже что-то такое спрашивал у воспитательниц, однако могу себе вообразить, как тяжело им было ответить на этот вопрос, ведь будучи брошенным с самого рождения, я и понятия не имел, кто такая мама. Понятно, что в конце концов, мне все популярно объяснили, но так или иначе, представить себе маму я все равно никак не мог. В моем сознании мелькали десятки образов и все они были слишком сказочными, чтобы быть похожими на правду.

Однажды, какая-то не в меру любопытная воспитательница спросила у меня: «Олег, ты скучаешь по маме?». На что я ей честно ответил: «Нет». Помню, она очень сильно удивилась, хотя ничего странного в этом, если разобраться, не было — как я могу скучать по человеку, которого ни разу в жизни не видел?..

Я пишу про все эти печальные вещи не для того, чтобы вызвать у своего читателя жалость — уж в ней-то я всегда менее всего нуждался. Мне просто хочется, чтобы вы понимали, что на самом деле представлял тогда из себя среднестатистический Дом ребенка, и как себя в нем чувствовали малыши, от которых отказались родители. Но, даже брошенные на произвол судьбы, дети имеют свойство расти, и в какой-то момент их отправляют в следующее казенное заведение — Детский дом.

Глава 2

В сиротстве жить — лишь слезы лить

Русская пословица

Эх, что-то с памятью моей стало — хоть убей, ничего не помню. Она, как болото, засасывает в себя все случившиеся в твоей жизни события, скрывая их под черной водой забвения и оставляя на поверхности лишь маленькие кочки каких-то мимолетных ощущений и впечатлений, по которым ты еще можешь хоть как-то пропрыгать в свое прошлое...

Детский дом я помню очень плохо. Попал я туда в два года, сразу после Дома ребенка, пробыл до семи лет. Сами понимаете, в таком возрасте человек ничего толком фиксировать не может, а только бормочет себе под сопливый нос какие-то непонятные слова, радуется совершенно пустячным вещам, плачет без причины и удивляется всему сверх меры. Тем не менее, что-то в памяти все же осталось...

Первое, это то, что детский дом являлся заведением (чуть было не написал колонией) весьма строгого режима. Дело в том, что во всех сиротских учреждениях дети живут исключительно по графику, «любовно» составленному для них тиранами-взрослыми. Они встают и ложатся в строго определенные режимом часы. Для них есть время разбрасывать игрушки и время собирать их.

Они даже на горшки ходят по команде, а не по нужде. И не важно, что половина группы, к «радости» воспитательницы, уже сходила по большому и по-маленькому в свои кровати. Все равно, даже эти провинившиеся шалопаи должны вместе со всеми остальными пойти и исполнить соответствующий ритуал — порядок есть порядок!

Да и воспитательницам так удобнее, конечно. Представляете, если каждый спиногрыз начнет проситься в туалет, когда ему заблагорассудится? А там от 15 до 20 лютых зассанцев и засранцев в группе. Это какой же коллапс получится?! За всеми ведь не уследишь. Так что нас всегда гоняли строем на горшки — хочешь не хочешь, а обгадить их надо, потому что следующий раз будет не скоро.

Три раза в день детдомовцев кормят, причем отказаться от еды нельзя, если только сама воспитательница не решит оставить кого-нибудь из малышей голодным. Представить там выпендрож обычного домашнего ребенка, с его капризами: «Это не вкусно, я это есть не буду!» — просто невозможно. Если ты примешься изображать из себя «самого умного», то тебе, недолго думая, тут же выльют кашу или суп на голову («Жри, сволочь!») чтобы не будоражил других детей. И в следующий раз, будь уверен, ты вылижешь свою тарелку до зеркального блеска.

Прогулка у детдомовцев по расписанию, раз в день, где-то на час-полтора. Гулять нас выводят все время на одну и ту же, закрепленную за нашей группой, веранду, которая располагается прямо напротив главного входа в здание детского дома. Помню, как однажды я чуть не стал виновником ужасной трагедии. А дело было так.

На нас, как обычно, напялили куцые серые пальтишки, обули в уродливые «говнодавы», и выгнали на улицу — проветриться. Мы сидели под крышей уже набившей оскомину веранды и с тоской взирали на забор, за который у нас не было никаких

12 шансов выбраться. Кто-то с помощью дырявого ведерка и лопатки лепил куличики в песочнице, кто-то откусывал кисленькие жопки у муравьев, я же от нечего делать взял кирпич, валявшийся неподалеку, и довольно-таки ловко перебро-сил его через дырку в стене на другую сторону веранды.

Спустя секунду после этого раздался истошный вопль, и вскоре мимо нас страшно перепуганные воспитательницы пронесли окровавленную девочку! Узрев дело рук своих, я не на шутку расстроился — ну, кто бы мог представить, что на той стороне веранды в это же самое время будет гулять другая группа?! Метнув злополучный кирпич, я, конечно, ни фиги не подумал. Да и нечем мне было думать в четыре года...

Мое наметившееся глубокое раскаяние прервало втор-жение нашей разъяренной воспиталки — Зинаиды Петровны, которая тут же прискакала на разборки: «Кто бросил кирпич?!». Вся группа, не сговариваясь, мгновенно указала кривыми паль-цами на меня (маленьким ушлепкам еще никто не объяснил, что «стучать», вообще-то, не хорошо).

«Ах ты, гадина такая! Ну, я тебе сейчас покажу кузькину мать!» — прорычала воспитательница, и, схватив меня за ухо, буквально поволокла по земле на уже придуманную ею экзеку-цию. От боли я орал не хуже той девочки! И никак, честно при-знаться, не мог понять: кто такой Кузька?! Откуда он вообще взялся?! Что из себя представляет его мать, и почему ее надо кому-то показывать?!

Дотасив меня до своей комнаты и чуть не оторвав по до-роге ухо, Зинаида Петровна принялась наносить мне удары специальной палкой, которой она обычно выбивала ковровые дорожки. Это меня несколько озадачило — я вроде не очень по-хож на напольное покрытие. «Будешь еще кидаться?!» — жутко вращая почти вылезшими из орбит глазищами, кричала вос-питалка. «Нееееет, не буууууду!» — что есть мочи вопил я, хотя твердо решил при первом же удобном случае завалить метким броском кирпича мою мучительницу.

Наконец, Зинаида Петровна несколько подустала охаживать меня палкой — видимо избивающие устают от побоев не мень-ше, чем избиваемые — и, лишив меня приема пищи на весь оставшийся день, она решила, что этого педагогического урока мне будет достаточно. В принципе, мегера оказалась права —

видите, как я все подробно и детально запомнил? Ну, **13** а если говорить серьезно, то наказывали нас в детском доме довольно часто. И для этого совершенно не обязательно было кого-то зашибать кирпичом.

Достаточно было, например, просто воспротивиться мыть ноги воспитательнице (она очень любила по вечерам скинуть туфли, поставить тазик с горячей водой и заставить малышей массировать и обмывать ее натруженные в течение дня стопы). Я всегда отказывался это делать — мне была противна сама мысль, что я могу мыть чьи-то ноги — и «Зина-псина», как я «ласково» называл ее про себя, в качестве наказания за непокорность, била меня пластмассовой палкой по рукам! Это была очень болезненная процедура, и как я ни старался не плакать, слезы все равно ручьем катились из моих глаз.

Но однажды я увидел картину, которая буквально потрясла меня и чрезвычайно повлияла на становление моего дурацкого характера! В один из дней Зинаида Петровна, как обычно, устроила показательную порку моему однокласснику и самому верному другу — Толе Цыплакову. Не знаю, в чем он перед ней провинился, но меня поразило то, с каким невероятным мужеством Толька перенес назначенное ему наказание. Выдержав с десяток сильнейших ударов пластмассовой палкой, он ни разу не заплакал, чем довел воспиталку-садистку до совершеннейшего иступления! Для меня подобное поведение Тольки стало просто чудом каким-то! Я никак не мог понять: как это вообще возможно вытерпеть?!

Феноменальная стойкость Толи Цыплакова произвела на меня столь неизгладимое впечатление, что я проникся к нему невероятным уважением! С одной стороны, мне было страшно жалко его, а с другой — я восторгался какой-то сверхъестественной выдержкой своего маленького приятеля. Вот откуда взялась такая необыкновенная сила духа у пятилетнего малыша?! Непонятно. По всей видимости, был в нем какой-то внутренний стержень, который еще тогда, в самом детстве, никто не мог перебить.

Через пару дней я, будучи от природы очень хулиганистым мальчуганом, снова огребал от воспитательницы. Ей, очевидно, нравилось бить нас, потому что она делала это весьма охотно и с большим удовольствием. Скажу больше: в этом, довольно-таки стремном деле, она была чертовски изобретательна!

14 Самым безобидным наказанием у нее считалось поставить ребенка на крупу. Как правило — это была гречка. Но иногда Зинаида Петровна — добрая душа, не жалела для нас и гороха. Провинившийся ребенок должен был стоять на всем этом рассыпанном на полу великолепии голыми коленками по несколько часов.

Помню, как тяжело давались мне эти изнурительные стояния в углу — крупинки больно впивались в кожу, а воспитательница строго следила за тем, чтобы я не опирался руками на стену, пытаясь уменьшить нагрузку на дико дрожавшие от непосильного напряжения и буквально ходившие ходуном колени!

Если же мы продолжали, как и всякие дети, чего-то упорно не понимать или баловаться, то здесь уже, наша воспитательница, которую правильнее было бы назвать терзательница, выкладывала свои главные козыри, на которые нам совершенно нечем было ответить. Господи, чем она нас только не била: и шваброй, и ремнем, и мокрым полотенцем, и вешалкой, даже снятым с ноги тапком припечатывала (последним, в основном, по лицу)! В общем, всем, что только ни попадалось ей под руку!

На сей раз, Зинаида Петровна придумала новое издевательство, которое заключалось в весьма болезненных ударах резиновыми прыгалками по голой жопе. Помню, как страшно они свистели в воздухе, прежде чем оставить багрово-фиолетовые рубцы на моих ягодицах. Но я твердо решил, что назло «Зине-псине» не пророню ни звука — пусть хоть заперет меня до смерти своими прыгалками! Эта дура аж употела вся, пока стегала и хлестала меня. Я искусал все губы до крови, но моих слез она не увидела. Ни тогда, ни когда-либо позже.

После той экзекуции я подошел к моему закадычному приятелю Тольке и, с плохо скрываемой гордостью, сообщил ему: «Я тозе, как и ты, наусился не плакать, када меня бьют и обизают!». Мы обнялись, как старые, прошедшие суровое испытание пытками, фронтовые друзья, и принялись посмеиваться над воспиталкой, которую считали нашим самым безжалостным и зловредным врагом. В тот момент я и представить себе не мог, как пригодится мне это полезное умение — терпеть боль, в моей дальнейшей, совсем немилосердной жизни...

Больше всего в детском доме меня удивляло, когда некоторые дети пытались называть нашу чокнутую воспитательницу мамой. Да что там удивляло — просто коробило и выводило из себя! Нашли, епрст, «маму»! Она вас дерет, как сидоровых коз, а вы к ней еще и лезете со своим трусливым подхалимажем! Разумеется, я тогда и слова-то такого не знал, но отношение к жополизам и лъстецам у меня все равно было крайне отрицательным. Как можно называть мамой какую-то постороннюю тетку, которая тебе никто? Да еще, если она ведет себя по отношению к детям, как злая и ненавидящая их мачеха! Понятно, что детдомовцы не понимали толком, какой должна быть настоящая мать, и потому липли со своими лобзаниями к той, которая этой любви была не достойна.

Самое интересное, что все эти маленькие подлизы тут же ябедничали на меня за то, что я отказывался быть, как все. Они периодически бегали к Зинаиде Петровне и громко, чтобы я слышал, шептали ей: «Мама, мама! Мозно я вам сто-то сказу на уско?». Получив утвердительный ответ, начинающие стукачи буквально преображались в лице от охватывающего их вдруг угодливо-подобострастного чувства: «А вы снаете, сто Олег токо сто сказал мне?». «Ну, что — говори быстрее!». «Он сказал, сто я дуууура!» — неожиданно заливалась слезами какая-нибудь гадкая осведомительница. «Ты что, и вправду назвал ее так?» — обращалась уже ко мне воспиталка. «Так она зе и есь дура, неузели вы не визите?» — удивленно отвечал я ей, и тут же получал тапком по голове — не бог весть какая расплата за удовольствие говорить правду.

Впрочем, случались в детском доме и более экстремальные истории. Однажды к нам в комнату ворвалась какая-то совершенно пьяная и еле стоящая на ногах женщина, которая стала кричать, что зарежет всех, специально принесенной для этого в сумке, бензопилой, если ей сейчас же не отдадут ее сына!

Вся группа тут же ломанулась в туалет — единственное место, где можно было закрыться на щеколду! Не уверен, что кто-то из нас представлял, что такое вообще бензопила, но выглядело все это весьма зловеще. Настолько, что вместо того, чтобы бежать со всеми, я остался заморожено смотреть, как будут развиваться события дальше. Несчастная женщина все ходила по комнате и, размазывая пьяные слезы по лицу, надрывно при-